

ПРОЛОГ

Галка знала, что ей надо взять джинсы со спинки стула, набросить куртку и поехать на очередную смерть, но ничуть не волновалась из-за этого. Наоборот, даже потеплело внутри от мысли, что она вот-вот встретится с другими волонтерами и весь вечер проведет в работе, вытряхивая и вымывая, выбрасывая и пытаясь сберечь...

Смерть и радость. Как они уживаются?

Думать об этом, тем более на комковатом худом матрасе, можно было бесконечно, но пора подниматься. Десять минут назад Галкин мобильник зазвучал траурным маршем, и она, то ли в полудреме, то ли в бесконечной усталости, взмолилась, чтобы ее оставили в покое. Казалось, что голая лампочка на шнуре над головой раскачивается из стороны в сторону. Телефон не унимался, и пришлось отвечать. Звонил, конечно, Палыч.

Галка буркнула, что летит со всех ног, босиком прямо по ноябрю. Палыч в ответ мрачно промолчал.

День сразу не задался: она битый час пыталась отстоять в колледже тему курсовой, переругалась с преподавательницами и вдобавок так переперчила лапшу в пластиковом корыте, что до сих пор горько-кисло ныл желудок. Впереди была ночная смена в кафе, а силы закончились.

Ничего, так даже веселее.

Соседки покосились на Галку с неудовольствием, словно она нарушила один из общажных законов, оберегавший в комнате густую, чуть пыльную тишину,

и снова вернулись к телефонам. В коридоре грохотали металлом шаги, словно чьи-то тапки были не резиновыми, а чугунными. Завтра обещали потравить тараканов, и Галка надеялась, что хотя бы теперь по ночам ей не надо будет стряхивать усачей с подушки. Впереди была и проверка холодильников, а у Галки там черт-те что в подписанном пакете, не забыть бы хоть дату исправить... Жизнь вечно шумной и переполненной общаге Галке тоже нравилась, и профессия, на которую она училась, — машинист крана — тоже была ничего. По крайней мере, работа всегда найдется.

Штанины джинсов напитались жаром от батареи, но остались влажными. Галка наспех причесалась, наколола на вилку тонкотелую рыбешку в томатном соусе из банки, закусила сушкой. Отслютовала соседкам и убежала.

Помогать.

Провинциальный тихий городишко покрывался вечером, как сыпью: вспыхивали тусклые фонари, переминались с ноги на ногу люди на черных остановках, прятались от мелко сеющего дождя. Ноябрь крапывал серостью и холодом. Пока Галка с пересадкой добиралась до нужного адреса, сначала поймав газельку до вещевого рынка, а потом перепрыгнув на автобус до Мясокомбината, телефон дважды возмущенно пискнул и ткнул ее в ногу. Оба раза писала Дана с предупреждением, что они все взбешенные и смертельно замерзшие, греются в супермаркете у остановки. Галка, чувствуя во рту сладковатый томатный соус, не стала ей отвечать.

Бело-голубых масок на подбородках почти не было, и лица казались Галке странными, неполны-

ми, будто кто-то сорвал со старых деревянных щелкунчиков нижнюю челюсть и оставил вместо нее черную дыру. Губы, бледные острые подбородки, щетина или прыщи... Галка впервые подумала, что за прошедшие почти два года так привыкла к сухой, словно пергамент, коже на пальцах от вечных спиртовых гелей, к засаленным маскам и дистанции, что переполненный салон автобуса до сих пор немного нервировал. Неподалеку сидела бабулька в теплом платке, поправляла медицинские перчатки и маску, а потом бросала недовольные взгляды на одну лишь Галку, будто та была единственной нарушительницей. Да и с чего бы вообще? Кажется, масочный режим уже отменили, хотя могли и обратно ввести, кто их знает...

Глядя бабке в черные щелочки глаз, Галка кашлянула. Увидела себя словно со стороны: синевато-бледная и костлявая, с острым носом и взлохмаченными, рвано остриженными черными волосами. Еще и глаза наверняка воспалились: хотя к концу дня Галка с трудом добиралась до кровати, все чаще и чаще она просыпалась в три часа ночи и таращилась в потолок. Похрапывала соседка-первокурсница, на побелке мелькали тени от голых карагачевых ветвей и полосы белого фонарного света, тишина обступала, обволакивала, и приходил едва слышный мамин шепот... Бессонница гнала на кухню, в курилку, в чужую шумную комнату. Там шепот утихал.

Галка встряхнулась. Зашлась кашлем так, будто хотела выплюнуть легкие на пол. Бабка в ужасе вжалась в кресло, и тут же стало противно от себя, от колючести и мрачности, захотелось найти глубоко

в кармане куртки мятую маску и примирительно натянуть ее на нос.

«Ты там живая вообще?» Снова телефон, снова Дана.
«Выхожу».

Притормозил автобус у местной достопримечательности — огромной мутно-черной лужи, которая расплзалась озером даже после небольшого дождя. Галка прыгнула с подножки, ушла в снежно-водную кашу ботинками и, кажется, даже зачерпнула немного, проскакала до клумбы, на которой всегда росли исключительно сорняки, и пожелала всего самого доброго и светлого меткому водителю. Автобус, чихнув на Галку, равнодушно уплыл в темноту.

Ветер холодом забирался под тонкую кожаную куртку. Галка отыскала шапку, нахлобучила ее на глаза и побежала к магазину. Скорее бы уже выпал снег, прикрыл и плавающий в лужах грязно-рыжий фонарный свет, и одинаковые лица над черно-серыми воротниками, и первый робкий лед, что утрами хрустел под тяжелыми подошвами.

— Полнейший сволочизм, — поприветствовала Галку Дана.

В предбаннике было душно, свет с потолка лился зеленовато-желтый, а покупатели нервно фыркали, глядя на столпившихся девушек. Трясся в лихорадке банкомат, шелестел купюрами, и Галке слышался далекий теплый дождь. Пахло гниловатой картошкой и мыльной пеной.

— Двадцать минут на остановке торчала. — Галка подула на ладони, которые успели покраснеть и налиться холодом. — Хотела бежать впереди автобуса, но вряд ли получилось бы быстрее.

— Да мы понимаем, — мягко улыбнулась широколицая Маша с пунцовыми щеками.

— Не понимаем. Выходить надо было раньше, — влезла Кристина, и Галка покосилась на нее.

Так надеялась, что приедет кто-нибудь другой из их волонтерской братии, — нет же, стоит и щурится, недовольная, лохматая, мнет в руках пластмассовую заколку. Галка глубоко вздохнула: ладно уж, они и правда кучу времени проторчали здесь, переходя из угла в угол, чтобы не мешаться, и разглядывая осточертевшие Данины открытки. Проглотив колкости, которыми раздирало горло, Галка примирительно подняла ладони:

— Пошли уже, или вам больше не хочется отсюда уходить?

— Как миролюбиво, — хмыкнула Дана. — Лунное затмение?

— Да ладно, не всегда же я...

— Всегда, — с наслаждением ответила Кристина и рванула шелестящую обертку на шоколадке. Все сразу, как по команде, глянули на Машку.

Она задышала рвано и хрипло, не отрывая взгляда от блестящего шоколадно-орехового бока. Покачнулась, схватилась за металлический столик, широко расставив ноги, будто боялась завалиться в сторону, и заморгала часто-часто. Галке вдруг стало горячо, и запах сладкого шоколада показался нестерпимой вонью, и зачесалось под ребрами, но это же не ее вина...

Кристина спокойно сунула обертку в карман и раскусила батончик.

— Ты специально, да? — Слова давались Маше с трудом. — Сколько можно просить...

— Я полдня не ела. — Кристина развела руками и набила рот шоколадом. — А в кармане ничего нет. И что мне, с голодухи помирать?

— Маш, пошли. — Дана положила ладонь Маше на плечо, легонько погладила.

Пискнул в кармане дутого Машиного пуховика мобильный.

— Восемь вечера, — как-то замогильно сказала она, — мне инсулин нужно уколоть.

— Прямо в магазине? — Галка поморщилась. — Потерпи хоть до квартиры, тут добежать пять минут...

— Я там и хотела поставить. Но ты же... — Машка смотрела на всех исподлобья, только вот во взгляде этом темном с легкостью угадывалась тоска.

— Идем, идем!

Все, кроме Даны, натянули шапки — Дана из принципа ходила так, подставляя то под ливень, то под снегопад свою бритую голову с едва проклюнувшимся ежиком темных волос. Она вышла первой и придержала дверь, чудом не хлопнув ею Кристину, извинилась с липкой улыбочкой. Напряжение вроде спало, хотя один лишь взгляд на бессильно опущенные широкие Машины плечи снова отдавался в Галкином животе изжогой. Еще и консерва эта...

— Палыч, наверное, нам головы оторвет. — Машкин голос подрагивал.

— Зато он успел все шкафчики выпотрошить, все заначки нашел. — Кристина догнала ее и пристроилась след в след.

— Да еще эмчезсники все забрали, я вас умоляю. — Это Дана. — Но если и правда хоть что-то

осталось, то Палыч тут как тут. Он у нас такой, не терпит незаконченных дел.

Даже Маша слабенько улыбнулась.

— Слушай... — Галка придвинулась к Дане, с трудом поборов желание провести ладонью по ежику на ее голове. Она так водила по маминой лысине, когда больные и хрупкие волосы только-только начали отрастать после больницы. Дана оглянулась. — А откуда открытки-то пришли? — отвлеклась от мыслей Галка. — Ты их спрятала так быстро.

— А разница? Ты же больше всех и ноешь, как я вас достала со своим посткроссингом.

— Из Финляндии и Чехии, — подсказала Маша. — Да и Германия опять пришла, только успевают, и все с одинаковыми марками... Зато на финской марка красивая, рождественская уже.

— Покажу потом. — Дана чуть улыбнулась, вроде оттаяла немного. — Если закончим быстро с квартирой. Куда вы претесь?! Вот двор!

Подъезд как подъезд: ободранная доска объявлений, размокшие бумажки с поплывшим от влаги текстом, затертый сотнями и сотнями ботинок половичок. Галка приклеилась взглядом к последнему, подумала, сколько раз по нему проходил их покойник или покойница. От мысли этой стало не по себе. Железную дверь подпирал обломок кирпича, в самом подъезде пахло жареной картошкой, а облезлая масляная краска чередовалась с наскальными сине-черными надписями. Сколько уже таких подъездов видела Галка, сине-зеленых, темных, пахучих...

— Бабушка же, да? — негромко спросила Маша.

— Да. — Дана сверилась с телефоном. — Ключевская Анна Ильинична, семьдесят три года. Было. Утром нашли.

— И долго лежала? — лениво спросила Галка.

Хотя вопрос этот всегда был ключевым, никто не решался его задавать. Запах протухшего человеческого мяса давно стал им привычным, но все они его избегали, будто боялись, что приклеится.

— А Палыч разве скажет? Сюрпризом будет, может, приятным. Он напишет, а мы не приедем после такого, вот и молчит, зараза.

В прихожей взгляду тоже не за что было зацепиться. Галка размотала шарф, внимательно огляделась по сторонам — разве что слишком уж чисто, и обои свежие, пускай старомодные, с розово-бордовыми пионами. У старух обычно пыль лежала плотным серо-пушистым слоем, углы зарастали густой паутиной, дверные ручки липкие, грязные... Наверное, родственники помогали. Чего бы и воспоминания любимой бабушки тогда не забрать?

Одинокая куртка на крючке, запах корвалола, стоптанные, но чисто вымытые ботиночки. Палычу, видимо, тоже надоело ждать, и его взбешенное лицо не сулило ничего хорошего, так что Галка сразу же ринулась в бой:

— Так я и знала, что тут запашина — глаз не открыть! Почему не предупреждаете, когда заявку создаете, а?!

И Палыч, багровый, с оплывшим и бутристым лицом, сдулся. Выдохнул долго, протяжно, буравя Галку взглядом, словно хотел отравить одним несвежим дыханием. Она спокойно смотрела в его глаза навывкате,

даже чуть насмешливо кривила губы: да, мы поздно-
вато, но и ты не ангелочек.

Палыч вспыхнул, уцепившись за новое:

— А вы чего ждали, райских лесов и запаха ланды-
шей? Бабулька одинокая, пока запах не пошел, никто
и не думал, что она того... Это хорошо, что ноябрь,
а то в респираторах ходили бы.

— Отменили масочный режим.

Кристина никак не могла справиться с замком на
ботинке и выглядела так, будто вот-вот заорет от ма-
лейшего взгляда или движения воздуха. Все обходи-
ли ее полукругом, толпились в прихожей, испытывая
привычное, но такое приятное предвкушение... Ка-
кой будет бабулька на этот раз?

В единственной комнате сквозняками раздувало
светлые занавески, и Маша снова намотала шарф
на шею. Достала из сумочки шприц-ручку с инсули-
ном, глюкометр в черном чехле, спиртовые салфетки,
спряталась в ванной. Закрылась на щеколду, хотя чего
там и Палыч, и волонтеры не видели: вымоет руки, за-
катает свитер и ухватит пальцами жирную складку на
животе, вгонит иглу. Тихонько защелкает поршень.
Ничего такого, а все боится чего-то, стесняется.

Палыч стоял у Галки над душой: низенький и пол-
ный, с блестящей лысиной, он всегда оставался где-
то в районе плеча, но смотреть умудрялся как свер-
ху, надменно и требовательно. Маска с оборванной
и криво подвязанной веревкой болталась у него на
подбородке. Вряд ли он боялся вирусов — попривык-
ли уже к этой беде, но вот дышать тяжелым мясным
запахом несколько часов, ища, чем бы в опустевшей
квартире поживиться...

Недовольная физиономия Кристины снова вызвала у него вспышку гнева:

— Расслабились, неженки! Вас бы в притон, к алкашам, забыли совсем, как работать надо...

— Нам нельзя в притон, мы маленькие, — по-детски пропищала Галка. — Да и кому нужны воспоминания бомжей? Им самим они не нужны, а вы говорите...

— Так и будем болтать? До утра разгребать хотите?

— Где нашли-то бабушку? — Дана разминала шею, будто готовясь к поединку.

Галка представила ее с тяжелым мечом в руках. Как блеснули бы в вечернем рассеянном свете кольчужные латы! Это и правда была битва, только медленная и внешне почти невидимая: борьба за память, за эмоции.

— В ванной. — Палыч сдул с Галки задумчивость. — Упала, ударилась о кафель головой. Сердце, наверное, встало. Соседи учуяли, а тут и заявление, ее рукой написанное, — не денешься никуда. Все, начинаем.

Вернулась Машка с преувеличенно равнодушным лицом. Палыч нашел в огромной спортивной сумке деревянный свиток-планшет с кокетливыми завитушками, пощелкал кнопками и дальнозорко прищурился. Галка, не удержавшись, хихикнула — слишком уж глупо смотрелся в пальцах-сардельках этот пафосный свиток. Палыч весь побагровел: и шея, и кончики ушей, и щеки — все налилось алым, будто он обгорел на солнце.

— Свиток, серьезно? — не успокаивалась Галка, улыбаясь от уха до уха. — Может, вам планшеты теперь из бересты делают?

